

В. И. АВЕРШИН

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

(август 1936 — ноябрь 1937)

Внешняя политика СССР накануне второй мировой войны освещается в буржуазной историографии крайне тенденциозно. Реакционные историки Запада намеренно искажают подлинный смысл и мотивы внешнеполитических акций Советского Союза, пытаются оправдать политику попустительства фашистской агрессии, проводившуюся западными державами в расчете повернуть ее на Восток, против СССР.

Бывший посол США в Москве Дж. Кеннан ставит под сомнение цели настойчивой борьбы советской дипломатии за мир, против развязывания фашистскими агрессорами захватнических войн. Западные державы, по его мнению, не могли опираться в международных делах на СССР, стремившийся к соглашению с Германией<sup>1</sup>. С подобных позиций трактуют советскую внешнюю политику накануне второй мировой войны американские историки Г. Робертс и Д. Макшерри<sup>2</sup>. Нетрудно понять, что фальсификаторские построения такого рода служат на руку тем реакционным силам, которые выступают против разрядки международной напряженности, за сохранение конфронтации с социалистическими странами.

Оценивая внешнеполитический курс СССР в 1933—1936 гг., профессор Мичиганского университета Г. Вайнберг пишет, что, ослабленный сдвигами, происшедшими в стране в результате осуществления двух пятилетних планов, Советский Союз мог лишь пассивно наблюдать за развитием международной обстановки в Европе<sup>3</sup>. Он утверждает, что СССР медленно осознавал опасность, грозившую миру со стороны германского фашизма. Когда

---

<sup>1</sup> G. F. Kennan. Russia and Czech crisis.— *Appeasement of Dictators*. N. Y., 1970, p. 105—107.

<sup>2</sup> H. Roberts. *Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy*. N. Y., 1970; J. McSherry. *Stalin, Hitler and Europe*. Cleveland and N. Y., 1968.

<sup>3</sup> G. L. Weinberg. *The foreign policy of Hitler's Germany*. Chicago and L., 1970, p. 360—361.

же эта опасность была осознана, то Советское правительство, дескать, колебалось между стремлением организовать отпор гитлеровской Германии и попытками добиться двустороннего соглашения с Берлином.

Видный западногерманский историк официального направления Г.-А. Якобсен пишет, что Советский Союз, отстаивая план создания системы коллективной безопасности, заботился не об укреплении мира, а стремился путем внешнеполитической активности найти выход из «растущих внутривнутриполитических трудностей»<sup>4</sup>.

Другой западногерманский историк И. Вуешт возлагает вину за неспособность Малой Антанты успешно противостоять фашистской агрессии на Чехословакию и... Советский Союз, которые, заключив между собой пакт о взаимной помощи, подорвали единство этой политической группировки<sup>5</sup>.

История международных отношений и внешней политики СССР накануне второй мировой войны привлекает постоянное внимание советских историков. В работах советских ученых с марксистско-ленинских позиций раскрывается роль СССР в осуществлении политики коллективной безопасности против фашистской агрессии<sup>6</sup>. Вместе с тем активная международная деятельность Советского Союза в Центральной и Юго-Восточной Европе, направленная на организацию коллективного отпора фашистским агрессорам, изучена еще недостаточно.

В данной статье с привлечением впервые опубликованных советских дипломатических документов предпринята попытка рассмотреть внешнеполитические усилия СССР по укреплению мира и безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе с августа 1936 по ноябрь 1937 г. Освещается также позиция отдельных стран этого региона по отношению к политике коллективной безопасности, последовательно осуществлявшейся Советским Союзом.

Фашистский мятеж и итало-германская интервенция в Испании серьезно обострили международную обстановку. «Если из мрака фашистской ночи, окутавшего Среднюю Европу, не грянул еще потрясающий весь мир взрыв новой войны, то это главным образом потому, что есть СССР — великая страна мира,

---

<sup>4</sup> H.-A. Jacobsen. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933—1938. Fr./M., 1968, S. 412.

<sup>5</sup> J. Wuescht. Jugoslawien und das Dritte Reich. Stuttgart, 1969, S. 107, 119.

<sup>6</sup> История внешней политики СССР, т. 1 (1917—1945 гг.). М., 1976; СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976; История второй мировой войны, т. 1. М., 1973; В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964; Я. М. Копанский и И. Э. Левит. Советско-румынские отношения. 1929—1934 гг. М., 1971; И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975; А. А. Язькова. Малая Антанта и проблемы коллективной безопасности в Восточной Европе (1933—1934 гг.). — «Новая и новейшая история», 1972, № 6; З. С. Белоусова. Франция и европейская безопасность 1929—1939. М., 1976; А. А. Шевяков. Советско-румынские отношения и проблема коллективной безопасности. 1932—1939. М., 1977.

оплот и надежда жаждущего мира человечества», — писала в передовой статье газета «Правда»<sup>7</sup>.

Единственно реальным путем к достижению прочного мира и международной безопасности был путь всестороннего сотрудничества с Советским Союзом — главным фактором мира на земном шаре. Но западные державы по-прежнему стремились к антисоветской сделке с гитлеровской Германией. Их примеру следовали малые страны Европы. В августе 1936 г. в результате интриг внутренней и внешней реакции румынский министр иностранных дел Н. Титулеску, сторонник сближения с СССР в интересах мира, был выведен из состава правительства. Первоначально в Бухаресте делали вид, будто намерены продолжать внешнеполитический курс Титулеску и развивать сотрудничество с СССР<sup>8</sup>, но практические шаги румынского правительства на международной арене свидетельствовали об обратном. Устранение Титулеску с поста министра иностранных дел привело к срыву переговоров о заключении советско-румынского пакта о взаимопомощи. В конце сентября 1936 г. были заключены германо-румынские экономические соглашения, предусматривающие, в частности, поставку румынской нефти в Германию<sup>9</sup>. В ноябре 1936 г. румынский посланник в Берлине Комнен в беседе с высокопоставленным немецким генералом заявил, что румынское правительство готово заключить с Германией соглашение о военном сотрудничестве<sup>10</sup>.

Учитывая все более опасное для мира развитие международной обстановки, СССР предпринял новые усилия, направленные против развязывания фашистами войны в Европе. 20 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило план коллективного обеспечения мира и безопасности европейских народов. Выполняя его, Советское правительство выступило с проектом подписания «Общего пакта о взаимной помощи» между СССР, Францией, Турцией, Чехословакией, Югославией и Румынией<sup>11</sup>. Однако новая важная инициатива Советского Союза, направленная на создание единого фронта борьбы против агрессоров, не получила поддержки капиталистических держав. Рассчитывая направить фашистскую агрессию против СССР, реакционные правящие круги Англии, Франции и США препятствовали организации эффективной системы коллективной безопасности. Политика умиротворения агрессоров, упорно проводимая правительствами западных держав, оказывала пагубное воздействие на внешнеполитический курс стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Это получило новое подтверждение в ходе советско-турецких переговоров об углублении взаимного сотрудничества осенью 1936 г.

<sup>7</sup> «Правда», 1936, 1 августа.

<sup>8</sup> ДВП СССР, т. 19. М., 1974, № 273, с. 432—433; № 288, с. 455.

<sup>9</sup> Там же, с. 766, прим. 180.

<sup>10</sup> ДИМК, 1936—1945, 2 кот., № 47, old. 174—175.

<sup>11</sup> История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, М., 1971, с. 301.

В сентябре 1936 г. турецкий министр иностранных дел Арас предложил М. М. Литвинову заключить советско-турецкий договор о взаимопомощи, согласно которому Советский Союз должен был оказать помощь Турции, если она подвергнется нападению в Средиземном море. В свою очередь Турция взяла бы на себя обязательство закрыть и защищать Проливы в случае агрессии против СССР. Арас сделал М. М. Литвинову и другое предложение — заключить между двумя странами пакт о взаимной поддержке, который был бы связан с Лондонской конвенцией об определении агрессии<sup>12</sup>. Правительство СССР положительно отнеслось к проекту заключения договора с Турцией, содержащего обязательства оказания взаимной помощи против агрессии. Однако 19 октября турецкий посол в Москве Апайдын заявил М. М. Литвинову о том, что Турция согласна заключить с СССР только соглашение о совместной защите Дарданелл и Анатолии против Италии. Советско-турецкий пакт о взаимной помощи против любого агрессора, по откровенному признанию Апайдына, неприемлем для Турции, так как может повредить ее отношениям с Германией<sup>13</sup>. 28 октября Апайдын сообщил М. М. Литвинову о решении турецкого правительства вообще снять свое предложение о заключении договора с СССР. Посол утверждал, что конвенция по Проливам, принятая в Монтре, в достаточной степени обеспечивает интересы Советского Союза и Турции и поэтому нет необходимости заключать между двумя странами соглашение о взаимной помощи<sup>14</sup>. В ответ народный комиссар иностранных дел СССР сказал, что считает этот шаг турецкого правительства свидетельством новой ориентации Турции, которая, несомненно, наносит ущерб советско-турецким отношениям<sup>15</sup>. Главной причиной, побудившей турецкие правящие круги отказаться от выдвинутого ими же предложения о заключении пакта с СССР, был нажим, оказанный на Турцию Англией<sup>16</sup>. Английские правящие круги опасались усиления влияния Советского Союза в средиземноморском бассейне, рассматривая это как смертельную угрозу британским империалистическим интересам<sup>17</sup>. Рассчитывая с помощью Турции защитить свои имперские позиции на Ближнем и Среднем Востоке и воспрепятствовать проникновению туда германских и итальянских конкурентов, Лондон вместе с тем стремился не допустить превращения этой страны в составную часть системы коллективной безопасности против фашистской агрессии. Британские интриги не встретили должного сопротивления в Анкаре. Тем самым в угоду английскому империализму были принесены в жертву коренные национальные интересы Турции.

<sup>12</sup> ДВП СССР, т. 19, с. 769, прим. 191; № 321, с. 500—501.

<sup>13</sup> Там же, № 321, с. 501.

<sup>14</sup> ДВП СССР, т. 19, № 336, с. 525.

<sup>15</sup> Там же, с. 526.

<sup>16</sup> Там же, № 345, с. 538; № 347, с. 540; № 356, с. 564; № 358, с. 567—568.

<sup>17</sup> Л. Живкова. Англо-турские отношения. 1933—1939. София, 1971, с. 85.

Пытаясь укрепить свои позиции на международной арене и воспрепятствовать углублению раскола среди стран Малой Антанты, чехословацкая дипломатия в сентябре 1936 г. вновь возвратилась к плану укрепления союза трех стран путем заключения пакта против всякой агрессии<sup>18</sup>. 9 сентября чехословацкое правительство направило разработанный им проект пакта в Бухарест и Белград<sup>19</sup>. Он предусматривал преобразование Малой Антанты в военный союз против агрессии с любой стороны. По замыслу Праги в таком соглашении должна была воплотиться старая мечта малоантантовской дипломатии — превращение этой группировки в пятую великую державу<sup>20</sup>. На совещании в Топольчанках<sup>21</sup>, куда были приглашены Стоядинович и Антонеску, чехословацкий президент Бенеш заявил, что Малая Антанта должна быть «констелляцией порядка» в Европе. Он подчеркнул, что необходимо добиться полной независимости Чехословакии, Румынии и Югославии от своих соседей — великих держав с тем, чтобы успешно противостоять любой из них<sup>22</sup>.

Универсальный пакт трех стран мог стать важным звеном в системе коллективной безопасности, ядром которой могли бы стать советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи при опоре на СССР — главный оплот мира в Европе. Но в планах малоантантовской дипломатии не нашлось места для Советского Союза. Чехословацкое правительство, стремившееся вслед за Англией и Францией к сделке с Гитлером, игнорировало пакт о взаимопомощи с СССР.

Однако в результате возникших между тремя предполагавшимися участниками универсального пакта разногласий добиться его принятия на сессии совета Малой Антанты 12—14 сентября 1936 г. в Братиславе не удалось. Более того, участники сессии решили, что советско-чехословацкий пакт о взаимопомощи не накладывает каких-либо обязательств на союзников Чехословакии по Малой Антанте<sup>23</sup>. Правительства Югославии и Румынии отныне могли проводить в отношении Чехословакии любую политику, какую сочтут для себя приемлемой<sup>24</sup>. Вскоре после братиславской сессии румынский посланник в США заявил заместителю главы госдепартамента, что правительство Румынии не собирается оказывать помощь ни Чехословакии в случае германской агрессии против нее, ни Югославии, если она подвергнется нападению Италии<sup>25</sup>.

<sup>18</sup> ДВП СССР, т. 19, № 288, с. 455.

<sup>19</sup> L. Deák. Pokusy o upevnenie malodohodoveho spojenectva s Francuskom v rokoch 1936—1937.— Slované studie, 13. Bratislava, 1972, s. 93.

<sup>20</sup> DDF, ser. 2, t. 3, № 448, p. 700—703.

<sup>21</sup> Летняя резиденция президента Чехословакии.

<sup>22</sup> L. Deák. Pokusy o upevnenie..., s. 93.

<sup>23</sup> L. S. Stavrianos. Balkan Federation. Northampton, 1944, p. 246.

<sup>24</sup> А. А. Язькова. Малая Антанта в европейской политике. М., 1974, с. 314.

<sup>25</sup> FRUS, 1936, vol. 1, p. 369.

Создание в октябре 1936 г. агрессивной оси Берлин — Рим еще более обострило международную обстановку. Обеспокоенное поддержкой переговоров о новом локарнском соглашении и консолидацией фашистских держав, французское правительство сообщило чехословацкому, югославскому и румынскому правительствам о своей готовности параллельно с подготовкой универсального пакта между тремя странами вести переговоры о заключении договора с Малой Антантой<sup>26</sup>. Вместе с тем Париж дал понять, что подпишет пакт с Малой Антантой только после заключения между Югославией, Румынией и Чехословакией пакта против агрессии с любой стороны<sup>27</sup>.

В октябре 1936 г. чехословацкое правительство разработало проект общего пакта о взаимопомощи Малой Антанты с Францией. В начале ноября он был передан французским представителям<sup>28</sup>. Одновременно Бенеш обратился в Париж с просьбой вручить этот проект в целях придания ему большего веса в Белграде и Бухаресте от имени французского правительства<sup>29</sup>.

Содержание проекта, однако, вызвало целый ряд возражений со стороны Франции. Французское правительство резко выступило против того, чтобы франко-малоантантовский пакт хотя бы отдаленно напоминал советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи. В Париже больше всего опасались создать впечатление, что речь идет об укреплении сотрудничества по линии Москва — Прага — Париж. Кэ д'Орсэ также поспешило заверить Лондон, что пакт с Малой Антантой будет иметь временный характер и утратит силу по достижении соглашения о новом Локарно<sup>30</sup>. Подобное лавирование французской дипломатии свидетельствовало о том, что договор с Малой Антантой французские правящие круги рассматривали не как вклад в дело создания коллективной безопасности, а как тактический маневр, который должен был облегчить соглашение с фашистскими державами. Но даже будучи видоизмененным проект пакта Малой Антанты с Францией натолкнулся на упорное сопротивление югославской стороны. Политика попустительства агрессии, проводимая западными державами, оказывала пагубное воздействие на позицию Югославии. В беседе с турецким премьер-министром Иненю и министром иностранных дел Арасом Стоядинович решительно отклонил идею о военном союзе с Францией, мотивируя тем, что «это вовлекло бы Югославию в сферу противоречий великих держав»<sup>31</sup>.

Свою решимость противодействовать заключению пакта Малая Антанта — Франция югославское правительство черпало в Лондо-

<sup>26</sup> DDF, ser. 2, t. 3, № 457, p. 715—716; ДВП СССР, т. 19, с. 774, прим. 204.

<sup>27</sup> DDF, ser. 2, t. 3, № 503, p. 794.

<sup>28</sup> Ibid., № 467, p. 733.

<sup>29</sup> Ibidem.

<sup>30</sup> Ibid., t. 4, № 9, p. 9—11; № 281, p. 465—468.

<sup>31</sup> M. Stojadinovic. Ni rat ni pakt. Buenos-Aires, 1963, s. 437.

не, где план укрепления французской союзной системы в Европе вызвал резкое недовольство<sup>32</sup>. Югославия, а также Румыния, оправдывая свое негативное отношение к этому плану, прямо ссылались на нежелание английского правительства поддержать усилия, направленные на укрепление малоантантовского союза<sup>33</sup>.

Расшатыванию системы региональных союзов в Европе фактически способствовали и сами французские правящие круги, которые не хотели предпринимать на международной арене ничего, что могло помешать им добиться сговора с гитлеровской Германией<sup>34</sup>. В конце сентября 1936 г. правительство СССР вновь предложило Франции и Чехословакии начать переговоры между представителями генеральных штабов<sup>35</sup>. Но инициатива Советского Союза не встретила отклика в Париже и Праге. На первом плане внешнеполитических маневров французских и чехословацких правящих кругов стояло стремление к соглашению с Германией. Показательна в этом отношении беседа французского министра иностранных дел Дельбоса с послом США в Париже Буллитом, состоявшаяся 8 октября 1936 г. Буллит задал вопрос, намерена ли Франция вступить в переговоры с Советским Союзом об углублении взаимного сотрудничества на основе заключенного в мае 1935 г. договора о взаимопомощи. Ответ Дельбоса гласил, что французское правительство не пойдет на какие-либо переговоры с СССР до тех пор, пока не будет проведена «Локарнская конференция». Он добавил, что свою главную задачу видит в том, чтобы не дать Германии предлога уклониться от участия в переговорах о новом Локарно<sup>36</sup>.

Французский генералитет поддерживал нежелание правительства вести переговоры с СССР<sup>37</sup>. Заместитель начальника французского генерального штаба генерал Швейсгут в докладе, представленном по возвращении в Париж об осенних маневрах Красной Армии, наблюдать которые ему предоставило возможность советское командование, рекомендовал воздержаться от сотрудничества с Советским Союзом, так как намерения Советского правительства недостаточно ясны. Швейсгут утверждал, что Красная Армия не готова к столкновению с армиями крупных держав<sup>38</sup>. По его мнению, Советское правительство было даже заинтересовано в германской агрессии против Франции, чтобы в этом слу-

---

<sup>32</sup> DDF, ser. 2, t. 4, № 446, p. 772—773; J. Wuescht. Jugoslawien und das Dritte Reich, S. 119.

<sup>33</sup> ОРФ ИИ СССР, ф. Ж, д. 44 б, л. 330. Донесение австрийского посланника в Праге, 14.V. 1937.

<sup>34</sup> J. Paul-Boncour. Entre deux guerres, t. 2. P., 1946, p. 62, 64.

<sup>35</sup> История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, с. 301.

<sup>36</sup> FRUS, 1936, vol. 1, p. 359.

<sup>37</sup> ДВП СССР, т. 19, № 294, с. 461—462; № 341, с. 532.

<sup>38</sup> Насколько необъективными были подобные рассуждения французского генерала, свидетельствует тот факт, что сам Швейсгут в беседе с временным поверенным в делах СССР в Париже 28 сентября 1936 г. признал высокие боевые качества советских вооруженных сил.— ДВП СССР, т. 19, № 282, с. 448—449.

чае играть роль арбитра в Европе<sup>39</sup>. Французская сторона препятствовала развитию сотрудничества между двумя странами и в области военного производства. 17 сентября 1936 г. полпред СССР в Париже прямо заявил французскому министру иностранных дел, что затруднения с советскими военными заказами во Франции «вызывают сомнения в действительной заинтересованности французского правительства в укреплении вооруженных сил СССР»<sup>40</sup>.

Незаинтересованность в осуществлении политики коллективной безопасности демонстрировало и чехословацкое правительство. Подписание военной конвенции с Советским Союзом, несомненно, усилило бы международные позиции Чехословакии, содействовало укреплению ее независимости. Вместе с тем реализация идеи коллективной безопасности объективно означала бы усиление влияния СССР в Европе. Это внушало чехословацкой буржуазии страх за свои классовые позиции. В сентябре 1936 г. один из ближайших сотрудников Бенеша заявил посланнику США в Праге, что Чехословакия пошла на заключение пакта о взаимопомощи с Советским Союзом «за неимением чего-либо лучшего». Он подчеркнул, что в чехословацких правящих кругах усиливаются настроения в пользу отказа от сотрудничества с СССР<sup>41</sup>. В ходе переговоров с иностранными дипломатами Бенеш не скрывал своего страха перед революционным движением в Европе, давая понять, что в случае соглашения с Германией Чехословакия прервет свои связи с Советским Союзом<sup>42</sup>. Двурушнический внешнеполитический курс чехословацкого правительства получил наглядное подтверждение в ноябре 1936 г., когда начались чехословацко-германские переговоры о заключении двустороннего соглашения<sup>43</sup>.

Тенденция политики сговора с фашистскими агрессорами усилилась и среди правящих кругов Румынии. На переговорах с Бенешем во время визита в Прагу в октябре 1936 г. румынский король Кароль недвусмысленно дал понять, что о тесном советско-румынском сотрудничестве не может быть и речи<sup>44</sup>.

Отрицательное воздействие на развитие советско-румынских отношений оказывала политика французского правительства. В ноябре 1936 г. французский министр иностранных дел Дельбос сказал румынскому реакционному политическому деятелю Г. Братиа-ну, что пакт с СССР был заключен Францией из опасений перед «новым Рапалло». Подписание же японо-германского антикоминтерновского пакта сделало возвращение к «рапалльской» поли-

<sup>39</sup> DDF, ser. 2, t. 3, № 343, p. 511—514.

<sup>40</sup> ДВП СССР, т. 19, № 269, с. 429.

<sup>41</sup> FRUS, 1936, vol. 1, p. 339.

<sup>42</sup> DIMK, 2 kot., № 32, old. 151—159.

<sup>43</sup> G. Weinberg. Secret Hitler-Benes negotiations in 1936—1937.—*“Journal of Central European Affairs”*, vol. 19, Jan. 1960, № 4.

<sup>44</sup> V. Kral. Spojenectví cecoslovensko-sovetske v evropske politice. 1935—1939. Praha, 1970, s. 236.



тике невозможным. Это, по словам Дельбоса, побуждает Францию по-новому смотреть на свой договор с Советским Союзом. Он подчеркнул, что Франция не возражает против тесного германорумынского сотрудничества, и рекомендовал Румынии брать пример с Польши<sup>45</sup>.

2 января 1937 г. было заключено англо-итальянское «джентльменское соглашение», предусматривавшее взаимное уважение статус-кво в бассейне Средиземного моря. Газета «Правда» писала, что новое соглашение «не устраняет основных противоречий между двумя странами. Что касается международного значения этого соглашения, то можно сказать одно: оно не внушает больших надежд в качестве умиротворяющего фактора»<sup>46</sup>.

Английские правящие круги, стремясь не допустить дальнейшей консолидации фашистских держав и удержать Италию от полного перехода на сторону гитлеровской Германии, шли на определенные уступки Риму в бассейне Средиземного моря и на Балканах. 24 января 1937 г. Югославия заключила «пакт о вечной дружбе» с Болгарией. 25 марта последовало заключение итало-югославского договора о нейтралитете. Являясь фактически дополнением к англо-итальянскому соглашению от 2 января 1937 г., эти пакты способствовали прежде всего усилению итальянских позиций на Балканах с санкции Лондона<sup>47</sup>. С помощью Италии британские правящие круги рассчитывали преградить путь германской экспансии через Балканы к Средиземному морю и на Ближний Восток<sup>48</sup>. Австрийский поверенный в делах в Белграде отмечал в своем донесении в Вену, что в результате подписания пакта с Югославией Италия «обезопасила свой правый фланг, консолидировала позиции в Албании, ослабила Малую Антанту и усилила влияние на Балканскую Антанту»<sup>49</sup>.

Английское правительство рекомендовало Белграду заключить договор, аналогичный итало-югославскому, также с Берлином<sup>50</sup>, рассчитывая в случае успеха противопоставить интересы Германии и Италии в Югославии. В апреле 1937 г. переговоры с Италией о заключении двустороннего соглашения начала также Румыния<sup>51</sup>. Разброд в лагере стран Малой и Балканской Антант становился все более очевидным. Явственно обнаружилась неспособность этих группировок служить эффективным барьером против фашистской агрессии.

В Берлине заключение итало-югославского и болгаро-югославского пактов было воспринято двояко. С одной стороны, это нано-

<sup>45</sup> Diariusz i teki J. Szembeka, t. 2. L., 1965, s. 559.

<sup>46</sup> «Правда», 1937, 4 января.

<sup>47</sup> ЦПА, ф. 3, оп. 1, а. е. 559, л. 83; ф. 1, оп. 3, а. е. 667, л. 11.

<sup>48</sup> И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933—1939 гг.). Докт. дис. Пермь, 1973, с. 117.

<sup>49</sup> ОРФ ИИ СССР, ф. Ж, д. 10, л. 99. Донесение австрийского поверенного в делах в Белграде Люртца. 1.IV. 1937.

<sup>50</sup> ДВП СССР, т. 20. М., 1976, № 238, с. 373—374.

<sup>51</sup> Там же, № 118, с. 183; с. 719—720, прим. 87.

сило серьезный удар по системе региональных союзов, отстаивавших статус-кво в Европе, но с другой — гитлеровцам приходилось считаться и с тем, что усиление итальянских позиций на Балканах подрывало влияние Германии в этом районе<sup>52</sup>.

В январе 1937 г. французское правительство направило в Белград, Бухарест и Прагу разработанный им проект пакта между Францией и Малой Антантой<sup>53</sup>. Это свидетельствовало о намерении французских правящих кругов поправить свои сильно пошатнувшиеся позиции в Европе. Вместе с тем содержание проекта говорило о стремлении сгладить антигерманское и антиитальянское острие замышляемого пакта. Но усилия, направленные на укрепление Малой Антанты, по-прежнему наталкивались на сопротивление югославского правительства, подстрекаемого Лондоном. 26 марта 1937 г. Стоядинович откровенно заявил итальянскому министру иностранных дел Чико, что на предстоящей сессии Малой Антанты в Белграде он решительно отклонит идею заключения пакта Малая Антанта — Франция. Итало-югославский договор, говорил Стоядинович, является «основополагающим» для югославской внешней политики<sup>54</sup>.

Позиция Белграда была фактически поддержана правительством Румынии<sup>55</sup>. В беседе с французским посланником в Бухаресте румынский министр иностранных дел заявил, что «Румыния не хочет быть скомпрометированной из-за Чехословакии» и не допустит ухудшения отношений с Германией и Италией<sup>56</sup>. Таким образом, Югославия и Румыния, вдохновляемые правящими кругами Англии в стремлении расчистить путь гитлеровской Германии на Восток, готовились покинуть своего союзника перед лицом нацистской агрессии.

На сессии совета Малой Антанты, состоявшейся в Белграде в начале апреля 1937 г., ее участники фактически согласились с новым курсом югославской внешней политики, одоббив договоры, заключенные Югославией с Италией и Болгарией<sup>57</sup>. Что касается вопроса о расширении обязательств стран — членов Малой Антанты и укреплении сотрудничества с Францией, то он, в сущности, даже не обсуждался и был снят с повестки дня сессии. Стоядинович утверждал, что принятие франко-чехословацкого плана могло быть истолковано Германией и Италией как доказательство «агрессивных намерений» Малой Антанты<sup>58</sup>. Через неделю после белградской сессии югославский посланник в Париже Пурич сказал своему американскому коллеге, что Малая Антанта

---

<sup>52</sup> The Diplomats 1919—1939. Princeton, 1953, p. 524.

<sup>53</sup> DDF, ser. 2, t. 4, № 281, p. 465—468; t. 5, № 196, p. 317.

<sup>54</sup> Ciano's diplomatic papers. L., 1948, p. 98—105.

<sup>55</sup> ДВП СССР, т. 20, № 41, с. 76; № 55, с. 95; № 118, с. 183.

<sup>56</sup> DDF, ser. 2, t. 4, № 344, p. 596—597; ДВП СССР, т. 20, № 165, с. 258.

<sup>57</sup> В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, с. 180—181.

<sup>58</sup> «Правда», 1937, 4 апреля.

«осталась точно тем же, чем она всегда была — оборонительным альянсом против венгерских ревизионистских устремлений». Посланник пояснил, что Белград не хочет портить свои отношения с Германией и поэтому нет никаких оснований считать, что Югославия присоединится к пакту о взаимопомощи, предложенному Францией. Он выразил сомнение в том, что Франция в случае германской агрессии против Чехословакии придет на помощь последней<sup>59</sup>.

Открытый курс фашистских государств на подготовку и развязывание новой мировой войны, политика сговора с агрессорами, упорно проводимая западными державами, вели к дальнейшему обострению международной обстановки. В сложных условиях Советский Союз мобилизовывал все средства, чтобы сорвать планы агрессоров и их покровителей. По заданию ЦК ВКП(б) и Советского правительства генеральный штаб РККА в начале 1937 г. разработал план действий советских вооруженных сил в соответствии с обязательствами, вытекающими из советско-французского пакта о взаимопомощи<sup>60</sup>. 17 февраля 1937 г. этот план был доведен до сведения французского правительства советским полпредом в Париже. Со своей стороны советский генеральный штаб просил информировать его, на какую помощь французских вооруженных сил СССР мог бы рассчитывать в случае нападения на него гитлеровской Германии. Советская сторона также предложила обсудить вопросы расширения двустороннего сотрудничества между представителями генеральных штабов Франции и СССР<sup>61</sup>. Но советская инициатива не встретила поддержки французского правительства. 19 января 1937 г. государственный министр Франции Шотан в беседе с советским полпредом в Париже высказался против установления контактов по военной линии между Советским Союзом и Францией, что, по его мнению, могло быть сочтено Германией и Италией доказательством готовящегося против них вооруженного наступления. Шотан признал, что Англия «едва ли одобрила бы немедленное установление технического сотрудничества генеральных штабов Франции и СССР». В ответ советский полпред указал, что считает точку зрения, высказанную французским министром, ошибочной и подчеркнул пагубность для Франции подчинения ее внешней политики влиянию Лондона<sup>62</sup>.

Нежелание французского правительства сотрудничать с Советским Союзом в военной области разделяло и командование вооруженных сил Франции<sup>63</sup>. Взгляды французских военных руководителей на сотрудничество с СССР выражает секретная записка, составленная в мае 1937 г. генеральным штабом сухопутных войск Франции, где отмечалось, что Польша никогда не разре-

<sup>59</sup> FRUS, 1937, vol. 1, p. 69—71.

<sup>60</sup> ДВП СССР, т. 20, с. 703, прим. 31.

<sup>61</sup> Там же; DDF, ser. 2, t. 4, N 457, p. 787—788.

<sup>62</sup> ДВП СССР, т. 20, № 20, с. 45.

<sup>63</sup> Там же, с. 703—704; прим. 31.

шит проход советских вооруженных сил через свою территорию, и выражалось опасение, что советско-французские контакты по военной линии нанесут ущерб польско-французскому военному союзу. Авторы записки утверждали, что «расширение франко-советского пакта» повлечет за собой ослабление Малой Антанты, так как вызовет отход Румынии от Франции и сближение ее с Польшей. Более всего, однако, французское военное командование беспокоило отношение Англии к советско-французскому сотрудничеству. «Военное соглашение между Францией и Советским Союзом рискует подвергнуть опасности сердечность и искренность франко-британских отношений», — указывалось в записке. Советско-французский пакт в этом случае может потерять «общий характер», что, несомненно, вызовет неодобрение Лондона. Авторы записки также утверждали, что «безопасность Франции основывается прежде всего на тесном сотрудничестве с Англией», и рекомендовали укреплять двустороннее франко-британское взаимопонимание во всех областях<sup>64</sup>.

Фактически солидаризировались с позицией французского правительства и правящие круги Чехословакии. 18 января 1937 г. чехословацкий президент Бенеш в беседе с советским полпредом в Праге дал понять, что считает данный момент неподходящим для заключения военной конвенции между двумя странами, сославшись на внутривластную обстановку в Чехословакии<sup>65</sup>. 11 февраля 1937 г. Бенеш прямо сказал австрийскому посланнику в Праге Мареку, что рассматривает сотрудничество с Советским Союзом сквозь призму франко-советских и англо-советских отношений. «Если франко-русский пакт не функционирует, точно так же чехословацко-русский пакт не будет функционировать», — откровенно заявил Бенеш<sup>66</sup>.

Позиции отношения Франции и Чехословакии к сотрудничеству с СССР находились под постоянным давлением со стороны Лондона. Английское правительство дало ясно понять в Париже, что рассматривает укрепление связей Франции с Советским Союзом как «непосильное бремя для англо-французской дружбы»<sup>67</sup>. Французский министр иностранных дел Дельбос и чехословацкий премьер-министр Годжа получили в Лондоне «убедительные разъяснения», что «расширение пактов о взаимопомощи» с СССР несовместимо с политическими целями, преследуемыми Англией<sup>68</sup>.

Усилился отход от принципов коллективной безопасности в политике румынских правящих кругов. В феврале 1937 г. румынский министр иностранных дел Антонеску открыто заявил, что правительство Румынии «не имеет намерения вести переговоры о за-

<sup>64</sup> DDF, ser. 2, t. 5, № 480, p. 825—828.

<sup>65</sup> ДВП СССР, т. 20, № 18, с. 40.

<sup>66</sup> ОРФ ИИ СССР, ф. Ж, д. 44 б, л. 328. Донесение австрийского посланника в Праге. 11. II. 1937.

<sup>67</sup> Deutschland. Auswartiges Amt. Archiv, T-120 360/7261/391714—391716.

<sup>68</sup> Ibidem.

ключении пакта о взаимной помощи с СССР»<sup>69</sup>. Югославский премьер-министр Стоядинович в беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано подчеркнул, что Румыния покончила с политической коллективной безопасностью, которую отстаивал Титулеску, и ныне установила отношения тесной дружбы с Югославией и Польшей. Он не скрывал, что в основе новой ориентации румынской внешней политики лежит антисоветизм<sup>70</sup>.

Вместе с тем в обстановке неуклонного роста угрозы развязывания агрессивными державами войны в Европе румынские правящие круги пытались использовать для укрепления своих позиций высокий международный авторитет и последовательно миролюбивую политику СССР. В апреле 1937 г. с румынской стороны последовало предложение Советскому Союзу возобновить переговоры о заключении двустороннего соглашения. Советское правительство, стремясь привлечь Румынию к созданию системы коллективной безопасности, предложило заключить между двумя странами пакт о взаимной помощи, аналогичный советско-чехословацкому договору 1935 г.<sup>71</sup> Но на переговорах с советскими представителями в апреле и мае 1937 г. Антонеску заявил, что договорные обязательства по образцу советско-чехословацкого пакта о взаимной помощи для Бухареста неприемлемы. Он предложил проект пакта между Румынией и СССР по образцу итало-югославского договора от 25 марта 1937 г., потребовав при этом, чтобы Советское правительство признало Бессарабию составной частью Румынии<sup>72</sup>.

Таким образом, в Бухаресте заботились не о создании системы коллективной безопасности в Европе, а стремились обеспечить свои корыстные интересы за счет СССР. Подобные попытки побудить Советский Союз отказаться от его законного права на Бессарабию встречали решительный отпор со стороны советской дипломатии.

Между тем международная обстановка продолжала осложняться. Фашистские державы полным ходом вели подготовку войны за передел мира. В 1937 г. прямые расходы на создание гитлеровской военной машины достигли астрономической цифры — 16 млрд. марок, что составляло 22% национального дохода фашистской Германии<sup>73</sup>.

В мае 1937 г. английское правительство возглавил Н. Чемберлен. 1 июля 1937 г. видный английский политический деятель Ллойд-Джордж сказал советскому полпреду в Лондоне, что «генеральный план» Чемберлена сводится к следующему: в течение ближайшего года добиться замирения с Германией и Италией и

---

<sup>69</sup> ЦДИА. Донесение болгарской миссии в Москве, 26.II. 1937.

<sup>70</sup> Ciano's diplomatic papers, p. 101—102.

<sup>71</sup> ДВП СССР, т. 20, № 131, с. 211; № 175, с. 270; № 203, с. 314.

<sup>72</sup> Там же, с. 210; № 165, с. 257; № 175, с. 210; № 203, с. 314.

<sup>73</sup> В. И. Д а ш и ч е в. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы, т. 2. М., 1973, с. 643.

заключить «пакт четырех». Советский Союз по этому плану должен быть исключен из европейской комбинации и предоставлен самому себе<sup>74</sup>. В письмах, направленных в начале июля 1937 г. в полпредства СССР в Лондоне и Праге, заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин указывал на «несомненную активизацию английской дипломатической работы в пользу Германии и против СССР в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Эта деятельность английской дипломатии, подчеркивал В. П. Потемкин, «свидетельствует о стабильности антисоветского существа английской внешней политики»<sup>75</sup>.

Ревностным проводником политики умиротворения агрессоров являлся назначенный весной 1937 г. британским послом в Берлин Н. Гендерсон. Вскоре после своего приезда в Германию он встретился со своим австрийским коллегой Таушицем. Лейтмотивом рассуждений Гендерсона был призыв к австрийцам безоговорочно согласиться на аншлюс, так как Австрия «такая же немецкая, как Германия»<sup>76</sup>. Гендерсон с похвалой отзывался о нацистском режиме, который, по его словам, представляет выдающийся «социальный эксперимент». Сообщая об этой беседе в Вену, Таушиц писал, что, выслушивая подобные суждения об австрийской проблеме, он подумал вначале, что находится не в британском посольстве, а в здании германского МИД<sup>77</sup>. 1 июня 1937 г. Гендерсон заявил германскому послу в Вене Папену, что разделяет мнение фюрера о том, что главной опасностью для Европы является большевизм. Он подчеркнул, что в Лондоне поддерживают перспективу решения австрийского вопроса в «великогерманском смысле»<sup>78</sup>. Подобные идеи Гендерсон развивал и в своем выступлении на вечере, организованном 1 июня 1937 г. германо-английским обществом<sup>79</sup>.

Образование во Франции в июне 1937 г. правительства радикала Шотана повлекло за собой усиление во французской внешней политике тенденций к сговору с фашистскими державами. 15 ноября 1937 г. видный французский политический деятель Ж. Мандель сказал советскому полпреду в Париже Я. Сурицу, что считает международное положение Франции весьма тревожным. «Франция утратила руководящие нити в политике в растеряла почти всех своих друзей. Во главе правительства стоят люди нерешительные и неавторитетные. Шотан и Даладьё — ухудшенное издание Лавалья — панически боятся немцев и только мечтают, как бы скорее договориться. Сотрудничество с Англией приняло

<sup>74</sup> ДВП СССР, т. 20, № 226, с. 355.

<sup>75</sup> Там же, № 230, с. 363; № 238, с. 373—374.

<sup>76</sup> ОРФ ИИ СССР, ф. Ж, д. 140, л. 44—47. Донесение австрийского посланника в Берлине, 29.V. 1937.

<sup>77</sup> ОРФ ИИ СССР, ф. Ж, д. 140, л. 44—47.

<sup>78</sup> ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 153. Доклад Папена фюреру и рейхсканцлеру, 1.VI. 1937.

<sup>79</sup> "The Times", 2. VI. 1937.

характер явного сателлитизма»<sup>80</sup>. В конце ноября Я. Суриц, оценивая внешнеполитическую деятельность Франции, писал М. М. Литвинову, что французские правящие круги, ставя свои классовые интересы выше национальных, фактически отказались от сотрудничества с СССР в деле защиты мира<sup>81</sup>.

Правительство Шотана проявило большую сдержанность не только по отношению к СССР, но и к своим союзникам в Центральной и Юго-Восточной Европе, прежде всего к Чехословакии, которая занимала ключевые позиции в Малой Антанте. Это подтвердил визит чехословацкого министра иностранных дел К. Крофты в Париж в сентябре 1937 г. Все попытки Крофты побудить Париж принять более энергичные меры для укрепления своей союзной системы в Европе окончились провалом<sup>82</sup>.

Политика потворства фашистской агрессии, проводимая западными державами, оказывала пагубное воздействие на позицию малых стран Европы. Вместе с тем большая доля вины за срыв создания системы коллективной безопасности ложится на правящие круги этих стран. Пытаясь избежать уготованной им роли разменной монеты в торге империалистических держав, эти страны, отказываясь от сотрудничества с СССР, становились на скользкий путь сговора с фашистскими агрессорами.

В апреле — мае 1937 г. чехословацкое правительство сделало новую попытку заключить соглашение с Германией<sup>83</sup>. Она, однако, оказалась безрезультатной. Гитлеровцы не желали связывать себе руки в отношении государства, планы захвата которого уже разрабатывались в штабах вермахта. На позицию германского правительства не могло повлиять и то обстоятельство, что чехословацкие правящие круги готовы были в случае заключения германо-чехословацкого соглашения отказаться от пакта с СССР<sup>84</sup>.

По-прежнему враждебное отношение к политике коллективной безопасности демонстрировало югославское правительство. В мае 1937 г. в Бледе тайно совещались принц-регент Павел, Стоядинович и Геринг. Стоядинович выдвинул план создания политической группировки в составе Югославии, Польши, Румынии и Венгрии. Новый блок должен был тесно сотрудничать с фашистскими странами. Чехословацкий посланник в Белграде сообщал в Прагу, что «нынешний югославский господствующий режим усматривает в режимах Гитлера и Муссолини единственную и главную гарантию против большевизма»<sup>85</sup>.

Усиливались негативные тенденции и в политике румынских

---

<sup>80</sup> ДВП СССР, т. 20, с. 764, прим. 244.

<sup>81</sup> Там же, № 423, с. 632.

<sup>82</sup> И. И. Поп. Чехословацко-венгерские отношения. 1935—1939. М., 1972, с. 101.

<sup>83</sup> FRUS, 1937, vol. 1, p. 77—78.

<sup>84</sup> DIMK, 1 kot., № 227, old. 385.

<sup>85</sup> V. Kral. Spojenectvi ceskoslovensko-sovetske..., s. 247.

правлящих кругов. Бухарест не оставил намерения добиться от СССР признания захвата Румынией части советской территории — Бессарабии. С этой целью румынская дипломатия пыталась использовать переговоры о так называемом Черноморском пакте, возможность заключения которого обсуждалась в период проведения конференции в Монтре<sup>86</sup>. По замыслу Бухареста этот пакт должен был гарантировать его участникам — черноморским державам территориальное статус-кво<sup>87</sup>. Тем самым через посредство Черноморского пакта румынские правящие круги рассчитывали получить дополнительную гарантию Румынии в границах Версаля. Советское правительство дало ясно понять румынской стороне, что попытки закрепить незаконно отторгнутую от Советского Союза территорию обречены на провал.

Румынское правительство откровенно тормозило постройку железной дороги Висаул — Ватра Дорней в Буковине. Эта дорога могла быть использована для установления связи между СССР и Чехословакией через румынскую территорию. Чехословакия предоставила для ее постройки крупный заем Румынии<sup>88</sup>. Однако в июле 1937 г. чехословацкий военный атташе в Бухаресте сообщил в Прагу, что строительство продвигается «очень медленно и существует поэтому опасение, не был ли заем использован для иных целей». Выводы комиссии министерства обороны Чехословакии, которая провела обследование строительства, были неутешительны. Они гласили, что завершения стройки можно ожидать только весной 1938 г., полный же ввод в строй железной дороги мог произойти лишь в 1940 г., когда планировалось закончить строительство той части дороги, которая должна была проходить по территории Чехословакии<sup>89</sup>.

Активную подрывную деятельность осуществляла в Румынии панская Польша. Сближение с Бухарестом Варшава использовала прежде всего для антисоветских целей<sup>90</sup>. В начале июня 1937 г. румынскую столицу посетил польский президент Мосьцицкий. Он убеждал румынских представителей в том, что главная опасность Румынии грозит со стороны Советского Союза, и советовал, чтобы румынский генштаб учитывал это в своих стратегических планах. Как сообщала чехословацкая миссия в Бухаресте в Прагу, польские предложения были с одобрением встречены в румынских военных кругах<sup>91</sup>. В беседе с министром внутренних дел Румынии Инкулецом 14 июля 1937 г. советский полпред в Бухаресте М. Островский прямо сказал, что «румынское правительство поставило своей задачей купить польскую, а через нее немецкую и итальянскую дружбу, заплатив за это ухудшением отношений с Со-

<sup>86</sup> ДВП СССР, т. 20, № 63, с. 116; № 175, с. 270.

<sup>87</sup> Там же, № 131, с. 210; № 165, с. 257; № 174, с. 268.

<sup>88</sup> DIMK, 2 kot., № 29, old. 140—143.

<sup>89</sup> R. Kvacek. Nad Evropou zatazeno. Praha, 1966, s. 414.

<sup>90</sup> ДВП СССР, т. 20, № 234, с. 365—369.

<sup>91</sup> V. Král. Spojenectví československo-sovětské..., s. 239.



юзом»<sup>92</sup>. В июле 1937 г. начались переговоры между начальниками генштабов польской и румынской армий. Обсуждались планы ведения войны против Советского Союза. В результате этих переговоров была подписана новая польско-румынская военная конвенция. Обе стороны обязались не пропускать советские войска на свою территорию. Определялось количество войск, которое должны были выставить Польша и Румыния в случае войны против СССР. Увеличивались контингенты румынских вооруженных сил на восточной границе. Предусматривалась также интервенция со стороны Польши и Румынии, «если в сопредельных областях СССР произойдет восстание»<sup>93</sup>.

В 1937 г. усилился отход Турции от политики сотрудничества с Советским Союзом и ускорилось ее сближение с западными державами, прежде всего с Англией. «Англичане,— указывает турецкий историк Эсмер,— делали все, чтобы оторвать Турцию от СССР»<sup>94</sup>. В конце февраля 1937 г. турецкий министр иностранных дел Арас заверил английского посла в Анкаре Лорейна, что в возможном военном конфликте «Турция будет на стороне Англии»<sup>95</sup>. Английское правительство прилагало активные усилия, чтобы ослабить значение конвенции по Проливам, принятой на конференции в Монтре, которая в значительной степени препятствовала антисоветским устремлениям британских империалистов в этом районе. В мае 1937 г. турецкий премьер-министр Иненю заявил в Париже, что Турция не разрешит проход советского военно-морского флота в Средиземное море, сославшись на заключенное по этому вопросу соглашение между Лондоном и Анкарой<sup>96</sup>.

Летом 1937 г. британскому правительству удалось добиться значительного успеха на пути включения Турции в свою военно-политическую систему, которая должна была укрепить английское влияние на территории от Дуная до Индии<sup>97</sup>. 8 июля 1937 г. в Тегеране министры иностранных дел четырех ближневосточных стран — Турции, Ирана, Ирака и Афганистана подписали так называемый Саадабадский пакт, целью которого было создание на южных рубежах СССР политической группировки под влиянием Англии<sup>98</sup>. Лондон принимал активное участие в подготовке пакта. Болгарский посланник в Анкаре сообщал в Софию, что состояние англо-иранских и англо-иракских отношений «не позволяет допустить, что участие этих двух стран в соглашении (Саадабадском пакте.— В. А.) произошло без ведома и согласия Англии»<sup>99</sup>.

<sup>92</sup> ДВП СССР, т. 20, № 241, с. 379.

<sup>93</sup> Там же, № 275, с. 431.

<sup>94</sup> A. S. Esmer. Siyasi tarih. 1919—1939. Ankara, 1953, s. 228.

<sup>95</sup> Л. Живков а. Англо-турские отношения, с. 92—93.

<sup>96</sup> ЦДИА. Донесение болгарского посланника в Париже, 19.V. 1937.

<sup>97</sup> M. Beloff. The foreign policy of Soviet Russia, vol. 2. L., 1952, p. 47.

<sup>98</sup> П. К. Тарасов. Саадабадский пакт.— В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 47—68. \*

<sup>99</sup> ЦДИА. Донесение болгарского посланника в Анкаре, 15.VII. 1937.

Известный турецкий историк Эсмер писал, что «без английской помощи подписание пакта было бы невозможным»<sup>100</sup>.

Планы подчинения Турции своему влиянию вынашивали и германские фашисты. Уже в 1936 г. доля Германии составляла больше половины во внешней торговле Турции<sup>101</sup>. В Германии были размещены крупные турецкие заказы на поставку промышленного оборудования, военно-морских судов и самолетов<sup>102</sup>.

Сближение с Англией, определенное усиление германского влияния в Турции не могло не сказаться на советско-турецких отношениях. В июле 1937 г. с официальным визитом в Москву прибыли турецкий министр иностранных дел Арас и министр внутренних дел Ш. Кая. Советское правительство в интересах мира стремилось укрепить сотрудничество с Турцией и привлечь ее к осуществлению политики коллективной безопасности. В официальном коммюнике о визите в СССР турецких министров отмечалось, что отношения дружбы между Турцией и Советским Союзом, «выдержавшие испытания всех фазисов международной жизни в течение столь длительного периода времени, с несомненностью доказывали свою полную ценность для интересов обеих стран». В коммюнике подчеркивалось, что «эти же интересы требуют сохранения в полном объеме существующих отношений и на будущее время в качестве неизменного прочного элемента внешней политики обоих государств»<sup>103</sup>. Наряду с этим от внимания Советского правительства не ускользнули новые акценты турецкой внешней политики. В записи бесед с турецким министром иностранных дел, состоявшихся 15—17 июля, М. М. Литвинов отмечал, что Арас пытался отрицать факты появления и роста агрессивных тенденций в международной жизни и открыто защищал ревизионизм<sup>104</sup>. Арас и Ш. Кая старались убедить советских представителей в том, что Саадабадский пакт не направлен против СССР. Арас заверял, что Турция не предпримет ничего, что повредило бы дружественным отношениям между двумя странами<sup>105</sup>. Но турецкий министр иностранных дел не пошел далее словесных деклараций, отказавшись обсудить вопрос об углублении советско-турецкого сотрудничества<sup>106</sup>. Советское правительство дало ясно понять, что не заблуждается относительно действительных целей Саадабадского пакта, и предупредило о тех пагубных для Турции последствиях, которые может повлечь за со-

---

<sup>100</sup> A. S. Esm'er. Siyasi tarih, s. 248.

<sup>101</sup> ЦДИА. Донесение болгарского посланника в Анкаре, 31.XII. 1936.

<sup>102</sup> И. Н. Чемпалов. Политика великих держав., с. 126—127.

<sup>103</sup> ДВП СССР, т. 20, № 244, с. 383.

<sup>104</sup> Там же.

<sup>105</sup> ЦДИА. Донесение болгарской миссии в Москве, 16.VII. 1937.

<sup>106</sup> Л. Живкова. Англо-турские отношения, с. 95; ЦДИА. Донесение болгарской миссии в Москве, 16.VII. 1937.

бой подчинение турецкой внешней политики британскому влиянию<sup>107</sup>.

Между тем обстановка на Средиземном море вызывала серьезную тревогу за судьбы мира в этом районе. Участились случаи пиратских нападений на торговые суда, следовавшие с грузом для республиканской Испании. С целью обезопасить судоходство Советский Союз предложил Турции принять совместные меры для пресечения агрессии в Средиземном море. В частности, советская сторона предложила учредить конвоирование военными кораблями советских торговых судов в Проливах и Мраморном море. Однако, следуя в русле политики «невмешательства», нацеленной на удушение Испанской Республики, турецкое правительство отклонило советское предложение<sup>108</sup>.

В августе—сентябре 1937 г. итальянскими подводными лодками были потоплены два советских торговых судна «Тимирязев» и «Благоев». Советское правительство в ноте протеста от 6 сентября возложило на правительство Италии всю полноту ответственности за это преступление и решительно потребовало пресечь пиратские действия итальянского военного флота<sup>109</sup>.

Решительное выступление Советского Союза, глубокое возмущение миролюбивой общественности возымели свое действие. Англия и Франция были вынуждены пойти на созыв международной конференции, которая должна была обсудить меры для защиты морского судоходства. Конференция проходила в Нионе (Швейцария) с 10 по 14 сентября 1937 г. В ее работе приняли участие делегации СССР, Англии, Франции, Турции, Египта, Румынии, Болгарии, Греции и Югославии.

Участие в работе конференции представителей СССР способствовало принятию таких решений, которые в значительной степени обеспечивали безопасность международного судоходства<sup>110</sup>. Эти решения обязывали участников Нионского соглашения принять энергичные меры с целью пресечения пиратства в Средиземном море путем патрулирования в соответствующих районах. Выступая на заключительном заседании конференции, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил, что Нионское соглашение «является частично осуществлением идеи коллективной безопасности, а также идеи региональных соглашений». Он подчеркнул, что только на основе этих идей «возможно полезное международное сотрудничество для устранения опасностей, угрожающих миру, и для укрепления безопасности народов». Наряду с этим М. М. Литвинов указал и на серьезные недостатки Нионского соглашения, обусловленные позицией западных дер-

---

<sup>107</sup> L. Zhivkova. The imperialist contradictions between England and Germany in the Balkans on the eve of World War II.—“Etudes Historiques”, vol. 5, Sofia, 1970, p. 526.

<sup>108</sup> ЦДИА. Донесение болгарского посланника в Анкаре, 19.X. 1937.

<sup>109</sup> ДВП СССР, т. 20, № 321, с. 488.

<sup>110</sup> Там же, с. 750—751, прим. 189; с. 751, прим. 190.

жав, в частности отказ Англии и Франции распространить меры по охране судоходства на торговые и пассажирские суда Испанской Республики. «Мы, советская делегация,— заявил М. М. Литвинов,— хотели ехать на несколько станций дальше по тому пути, который мы проделали здесь с вами совместно, ибо, как показала история других международных конференций, юное Советское государство, полное сил, энергии, бодрости и веры в правильность его международных концепций, всегда готово идти дальше и быстрее по пути защиты мира и действовать решительнее, чем другие»<sup>111</sup>.

Нионское соглашение вызвало сильное недовольство в Риме<sup>112</sup>. Итальянское правительство, пытаясь подорвать его значение, даже обратилось за помощью к Н. Чемберлену, посоветовав тому удалить в отставку с поста министра иностранных дел А. Идена и взять «бразды британской внешней политики в свои руки»<sup>113</sup>.

Очередной экономический кризис, поразивший капиталистический мир во второй половине 1937 г., привел к дальнейшему обострению противоречий между империалистическими державами. 6 ноября 1937 г. фашистская Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту. 9 ноября Гитлер заявил, что новый тройственный союз состоит из «держав, готовых и полных решимости гарантировать свои права и жизненные интересы»<sup>114</sup>. Осенью 1937 г. гитлеровцы приступили к непосредственной подготовке захвата Австрии и Чехословакии. Западные державы оставались глухи к неоднократным предупреждениям Советского правительства о том, что целью фашистских агрессоров является передел мира и что агрессия не обязательно начнется с нападения на СССР. Правящие круги Англии, Франции и США, а также малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы по-прежнему упорно отказывались создать на принципах коллективной безопасности совместный фронт борьбы против агрессии. Несмотря на это, Советский Союз продолжал вести последовательную борьбу за прочный мир и безопасность народов.

---

<sup>111</sup> ДВП СССР, т. 20, № 332, с. 503—505.

<sup>112</sup> "Europäische Revue", Oct. 1937, H. 10, S. 774.

<sup>113</sup> R. Kvacek. Nad Evropou zatazeno, s. 420.

<sup>114</sup> "Völkischer Beobachter", 10. XI. 1937.